

БЮДЖЕТНАЯ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ И БЮДЖЕТНАЯ ДИСЦИПЛИНА**Борис Иванович АЛЕХИН**

доктор экономических наук, профессор кафедры финансов и кредита,
экономический факультет Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ),
Москва, Российская Федерация
b.i.alekhin@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-9571-4836>
SPIN-код: 8540-7080

История статьи:

Получена 16.05.2019
Получена в доработанном
виде 30.05.2019
Одобрена 30.06.2019
Доступна онлайн
15.08.2019

УДК 336.025

JEL: E62, H62, H77

Аннотация

Предмет. Бюджетная дисциплина. Сальдо бюджета регионов как индикатор готовности соблюдать бюджетную дисциплину.

Цели. Оценить влияние бюджетной децентрализации на сальдо. С этой целью на основе информации из официальных источников составлен панельно-временной массив для 81 субъекта Российской Федерации за 2006–2017 гг.

Методология. Состав объясняющих переменных уточнен с помощью теста на парную причинность по Грэнджеру; для оценивания эмпирической модели использован «системный» обобщенный метод моментов.

Результаты. Бюджетная децентрализация не ассоциируется с ослаблением бюджетной дисциплины. Сверхцентрализация ужесточает бюджетные ограничения регионов через делегирование расходных полномочий с централизованным финансированием, скрупулезным определением прав и обязанностей регионов и финансовым контролем со стороны федерального центра. Обнаружена положительная связь бюджетной дисциплины с налоговой автономией регионов. Рост доли региональных налогов в доходах регионов сочетался с улучшением сальдо. Сокращение асимметрии бюджетной децентрализации, измеренной разрывом между децентрализацией расходов и децентрализацией доходов, тоже сочеталось с улучшением сальдо.

Ключевые слова: регионы, бюджетная децентрализация, ограничений регионов путем расширения их налоговой автономии, уточнения и бюджетный дефицит **Выводы.** Полученные результаты поддерживают ужесточение бюджетных стандартизации условий предоставления регионам финансовой помощи.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2019

Для цитирования: Алехин Б.И. Бюджетная децентрализация и бюджетная дисциплина // Региональная экономика: теория и практика. – 2019. – Т. 17, № 8. – С. 1557 – 1576.
<https://doi.org/10.24891/re.17.8.1557>

Введение

Современная теория бюджетного федерализма (теория второго поколения) – это сочетание умной и провокативной критики традиционной теории с новыми подходами к бюджетной децентрализации, обнажающими ее «темную сторону», особенно в практическом ключе. Большая часть литературы предупреждает об опасности бюджетной децентрализации, если она смягчает бюджетные ограничения регионов, позволяя им переносить свои финансовые проблемы и издержки финансирования

расходов на другие структуры. По словам основоположника теории второго поколения У. Оутса, при мягких бюджетных ограничениях нижестоящие власти действуют, ожидая, что их бюджетные дефициты будут покрыты вышестоящими (чаще центральными) властями. Структура межбюджетных финансов в некоторых странах делает такое поведение неизбежным [1].

Отрицательное влияние бюджетной децентрализации на готовность региональных властей «содержать свой фискальный дом в

порядке» – одна из ключевых гипотез, тестируемых на основе теории второго поколения. По словам Дж. Соренса, классический вывод о том, что при широкой автономии в области заимствований бюджетная децентрализация поощряет «бюджетное разгильдяйство», остается верным [2]. Мы выбрали эмпирические работы случайным образом – по году публикации, названию и упоминавшейся в нем стране или группе стран [3–15]. Индикатором готовности соблюдать бюджетную дисциплину служит сальдо бюджета или долг регионов. Зарубежные авторы установили отрицательный эффект бюджетной децентрализации^{1, 2}. В российских исследованиях нет заключения по этому вопросу, но показаны причины бюджетного кризиса регионов, в том числе зависимость от трансферов «сверху» (табл. 1).

Цель исследования, результаты которого приведены в данной статье, – протестировать эту гипотезу на российских данных. Из официальных источников составлен панельно-временной массив для 81 субъекта Российской Федерации за 2006–2017 гг. Получилась строго сбалансированная панель: каждый регион имеет одно и то же число наблюдений, и наблюдения для каждого региона сделаны в одно и то же время³.

Имеет ли бюджетная децентрализация дисциплинирующий или «расслабляющий» эффект, зависит от ее «возраста», уровня, соотношения между формами финансовой помощи центра и условий ее предоставления, а также рыночности региональных заимствований. К началу XXI в. в России, по

свидетельству Т.Г. Нестеренко, отсутствовали полноценное законодательное разграничение полномочий между уровнями государственного управления и местного самоуправления, формализованные методики распределения финансовой помощи регионам, что порождало «необеспеченные мандаты» и в целом дисбалансы в бюджетной системе России⁴. Пережив в 1990-е гг. «парад суверенитетов», российское государство стало наводить порядок в разбалансированной бюджетной системе, и за считанные годы в стране утвердилось сверхцентрализация и полное отсутствие голоса регионов при принятии решений. Все решения принимаются наверху, без оглядки на интересы регионов⁵. Этот тезис Н.В. Зубаревич напоминает, что реально стоит за термином «бюджетная децентрализация», когда контекст – российский.

Логично предположить, что при «сверхцентрализации» требования к получателям финансовой помощи и условия ее предоставления детальнее и жестче, чем в тех зрелых федерациях, где бюджетная децентрализация покоится на соглашениях о разграничении бюджетных полномочий. В России ключевой механизм поддержания бюджетной дисциплины – делегирование расходных полномочий с централизованным финансированием, скрупулезным определением прав и обязанностей регионов и финансовым контролем со стороны центра. Этот механизм временами буксует, так как сам центр может не соблюдать бюджетную дисциплину, но он ограничивает «бюджетное разгильдяйство» региональных властей. Губернаторам приходится содержать свой «фискальный дом» в относительном порядке, если они хотят иметь стабильный доступ к ресурсам центра. Правила распределения федеральных трансфертов и кредитов часто меняются и усложняются, а чтобы получить доступ к поддержке, регионы должны

¹ Yun S.G., Xie P.Z. Fiscal Decentralization, Intergovernmental Transfer, and Overborrowing. URL: https://editorialexpress.com/cgi-bin/conference/download.cgi?db_name=SED2018&paper_id=975

² Governatori M., Yim D. Fiscal Decentralisation and Fiscal Outcomes. *European Economy. Economic Papers*, November 2012, no. 468, 24 p. URL: http://ec.europa.eu/economy_finance/publications/economic_paper/2012/pdf/ecp468_en.pdf

³ Ради упрощения текста словами «центр», «регион» и «региональные власти» заменены все возможные названия центрального и регионального уровней государственного управления. Слово «долг» означает только государственный долг региона или центра, поэтому прилагательное «государственный» опущено.

⁴ Первый замминистра финансов РФ: улучшить госуправление помогут IT-технологии. URL: <https://tass.ru/interviews/5534795>

⁵ Наталья Зубаревич: «Дефект системы – регионам надо не развиваться, а вышибать деньги». URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/410518>

выполнять множество условий⁶, как отмечают отмечают Ф. Эйгель и Е. Новикова. Напрашивается следующая альтернативная гипотеза: бюджетная централизация поощряет региональные власти соблюдать бюджетную дисциплину.

Бюджетная дисциплина в цифрах

В данной работе бюджетная дисциплина увязана с сальдо бюджета региона, что позволило ответить с «цифрами в руках» на вопрос, соблюдали ли регионы бюджетную дисциплину в 2006–2017 гг. Для упорядочения поиска ответа мы воспользовались следующими предположениями Дж. Роддена:

- долгосрочный сбалансированный бюджет имеет место, когда центр ограничивает заимствования регионов или когда регионы пользуются широкой налоговой автономией при свободе заимствований;
- крупный и устойчивый бюджетный дефицит преобладает, когда регионы зависят от трансферов сверху и свободны в заимствованиях [3].

Выражение «долгосрочный сбалансированный бюджет» означает, что сальдо могло менять знак от года к году, но в среднем за эти годы оно положительное. Значит, регионы как сумма пространственных единиц соблюдали бюджетную дисциплину. Выражение «крупный и устойчивый бюджетный дефицит» означает, что в среднем дефицит был крупнее профицита и имел меньшую волатильность. Значит, регионы не соблюдали бюджетную дисциплину.

«Цифры в руках» – это некоторые показатели описательной статистики. Они относятся либо к регионам, либо к временным рядам. Например, среднегодовое сальдо – результат усреднения сальдо 81 бюджета за данный год (12 значений), а среднерегionalное сальдо – результат усреднения сальдо каждого региона за 2006–2017 гг. (81 значение). Важнее было узнать, как менялись сальдо во времени «внутри» регионов, поэтому среднегодовые

показатели преобладают над среднерегionalными.

После профицита в 2006–2007 гг. сальдо не выходило из отрицательной зоны, достигнув минимума в 2013 г. и приблизившись к нулю к 2018 г. (табл. 2, 3). Удвоение дефицита в 2013 г. вызвано замедлением с 2012 г. экономического роста и появлением у регионов дополнительных расходных обязательств в рамках майских (2012 г.) указов президента. С 2015 г. сальдо быстро улучшалось и в 2018 г. переросло в профицит размером 0,51 трлн руб⁷. Бюджетный кризис в целом закончился, и регионы превратились в коллективного чистого кредитора остального мира.

Бюджеты регионов чаще сводились с дефицитом, чем с профицитом, и дефицит в среднем был крупнее профицита, поэтому долг регионов рос. Соотнесенный с ВРП, он дважды набирал темп – в кризисные 2008 и 2014 гг. – и трижды терял темп, сохраняя тенденцию к росту. В 2017–2018 гг. долг «притормозил», реагируя на резкое улучшение сальдо.

Ответ на вопрос, какое сальдо преобладало, долгосрочное неотрицательное или крупное и устойчивое отрицательное, дает изучение отдельных групп значений сальдо и его среднерегionalных показателей. По числу инцидентов дефицит преобладал над профицитом: в нашей панели из 972 значений сальдо 664 (68,3%) отрицательные. Сальдо равнялось –0,6% ВРП и было у 11 регионов профицитным и у 70 – дефицитным. Дефицит составил 1,3% ВРП (табл. 4), то есть был крупным по сравнению с профицитом, равным 0,9%. Если сравнивать с данными редких зарубежных исследований, доведенных до regionalного уровня, то и с этой точки зрения дефицит был крупным. В исследованных Дж. Родденом 11 федерациях средний дефицит бюджета субфедеральных образований составил около 1% ВВП [3].

Дефицит не только крупнее, но и устойчивее профицита. Коэффициент вариации у первого

⁶ Регионам не хватает свободы. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/blogs/2018/02/15/751052-regionam-svobod>

⁷ Данные за 2018 г. не входят в нашу панель.

почти вдвое меньше, чем у второго (табл. 4). Говоря об устойчивости, следует отметить, что нет ни одного региона только с дефицитным или только с профицитным бюджетом. Реалистичное представление об устойчивости – дефицит в сочетании с меньшим профицитом. В отдельных регионах дефицит был постоянным.

Умеренный дефицит – не причина для тревоги, как и крупный «мимолетный» дефицит, вызванный неожиданным шоком. В нашей панели у 70 регионов сальдо отрицательное. С математической точки зрения, все 70 регионов не соблюдали бюджетную дисциплину, с математико-статистической – не все. Можно ли ставить Башкортостан в один ряд с Мордовией, показавшей дефицит в 100 раз больше башкирского: соответственно, $-0,03\%$ и $-3,1\%$ ВРП?

Мы провели z -тест, который выдает одностороннюю вероятность (p) для Z -статистики. Доверительный интервал для суждения о статистической значимости – 95% или $\alpha = 0,05$. Для 22 регионов $p < 0,05$, их сальдо статистически не отличается от нуля, и сальдо можно не учитывать. Значит, регионы можно считать дисциплинированными. Для 48 регионов $p > 0,05$, их сальдо статистически отличается от нуля, и сальдо следует учитывать. Значит, регионы нельзя считать дисциплинированными. Необходимо искать причины их предрасположенности к дефицитному бюджету.

Описательная статистика и тестируемые гипотезы

Вертикальный бюджетный дисбаланс. Бюджетная децентрализация не бывает симметричной. Между объемами расходных и доходных полномочий регионов существует положительный разрыв, именуемый вертикальным бюджетным дисбалансом (ВБД). С региональной точки зрения ВБД – это часть расходов региона, финансируемая трансферами сверху и чистым заимствованием региона, а на консолидированном уровне – разность между долями региона в расходах и

доходах сектора государственного управления (СГУ)⁸, иногда именуемая разрывом бюджетной децентрализации (РБД). РБД покрывается чистым заимствованием центра.

ВБД часто сводят к трансферной зависимости, справедливо полагая, что чистое заимствование – небольшая балансирующая величина (табл. 5, 6). Популярная в современной литературе и не раз подтвержденная эмпирически гипотеза гласит: при широкой автономии в области заимствований рост зависимости от трансферов отрицательно влияет на бюджетный «перформанс» регионов. С одной стороны, они завышают расходы, чтобы получать больше денег от центра, с другой – возникает порочный круг: трансферная зависимость побуждает требовать новых трансферов, а не развивать собственную доходную базу. Нет смысла развивать кредитный рынок с его жесткими требованиями к заемщикам, если доступны безвозмездные и невозвратные деньги от центра, пусть и ограниченные по условиям и целям получения. Завышение расходов и «недоразвитие» доходной базы обеспечивают преобладание крупного и устойчивого дефицита над долгосрочным профицитом.

Трансферы – основная часть ВБД, и их роль в финансировании региональных расходов значительна, но не так велика, как роль собственных доходов регионов (всех доходов за вычетом безвозмездных поступлений, на 99% состоящих из трансферов). В 2006–2009 гг. доля трансферов в сумме всех источников финансирования расходов неуклонно росла, а затем также неуклонно сокращалась, вернувшись на уровень до 2006 г. С 2014 г., после более чем двукратного расширения в 2013 г. под влиянием майских (2012 г.) указов президента, сужалось и чистое заимствование (отрицательное сальдо). В 2006–2017 гг. доля трансферов сокращалась на 0,7%, доля чистого заимствования – на 0,6% в год, а доля собственных доходов – на 0,1% в год. Эти источники финансирования стали менее востребованы из-за высокого спроса регионов

⁸ Расходы и доходы консолидированного бюджета (центр плюс регионы).

на бюджетные кредиты, доля которых ежегодно росла на 1,3% (табл. 5, 6).

Рост доли бюджетных кредитов стал результатом политики «бюджет вместо банков», проводимой центром в 2015–2017 гг. Получив неподтвержденные мандаты в рамках майских (2012 г.) указов президента, регионы стали занимать средства у банков. Поворот регионов от дорогих банковских кредитов, выплаты по которым достигали 9% годовых, к бюджетным кредитам начался в 2008–2009 гг. из-за экономического кризиса и ускорился с 2015 г., когда центр решил перенацелить бюджетные кредиты, чтобы ослабить риск дефолта регионов по обязательствам перед банками. Регионы теперь могли получить кредиты на 3–5 лет под 0,1% годовых. Политика «бюджет вместо банков» способствовала преодолению бюджетного кризиса.

В частности, В.И. Редькин считает, что в какой-то момент регионы стали воспринимать бюджетные кредиты не как займы, а как доходы, зная, что им не позволят допустить дефолт⁹. Разница между рыночной стоимостью денег и 0,1% по бюджетным кредитам интернализовалась центром, и это пример «смягчения» бюджетных ограничений¹⁰. Есть все причины включать бюджетные кредиты в ВБД. Они, как и трансферы, получены от центра практически на безвозмездной основе и, следовательно, являются формой мягкого финансирования.

Асимметрия бюджетной децентрализации. Сокращение РБД настраивает регионы на соблюдение бюджетной дисциплины, лишая их перспективы перенесения издержек финансирования своих расходов на другие структуры. Этот тезис подтверждается следующими аргументами: центру легче отказывать региону в трансферах и в другой мягкой помощи, если доля

самофинансирования расходов региона высока; с усилением связи между ассортиментом и качеством услуг региональных властей резидентам региона и долей самофинансирования расходов на их поставку улучшается подотчетность региональных властей резидентам региона, а также исполнение бюджетной дисциплины¹¹.

Сокращение доли регионов в расходах СГУ началось в 2010 г., и было значительным и плавным. Пик доли регионов в доходах СГУ пришелся на 2009 г., затем она менялась в узких пределах без явного понижающего тренда. Если в 2006–2015 гг. РБД имел нисходящий тренд, то в 2016–2018 гг. тренд был восходящим, и РБД почти удвоился. В среднем за весь период РБД ежегодно сужался на 0,35% – больше за счет доли в расходах СГУ (табл. 7, 8).

Еще одна популярная гипотеза гласит: долгосрочный сбалансированный бюджет имеет место, когда регионы пользуются широкой налоговой автономией при широкой автономии в области заимствований. Российские регионы имеют широкую автономию в области заимствований. Их займы у банков не контролируются Министерством финансов, а регистрация выпуска региональных облигаций – формальность, за которой не следует отказ в выпуске. Наоборот, Министерство финансов поддерживает такие выпуски.

Широкая налоговая автономия. В России налоговая автономия формально распространяется на региональные налоги¹². По оценкам аналитиков, центр регулирует более 95% всех доходов регионов, то есть все налоговые решения принимаются в Москве. К такому заключению ведет анализ статистики доходов регионов. В среднем за 2006–2017 гг.

¹¹ Governatori M., Yim D. Fiscal Decentralisation and Fiscal Outcomes. *European Economy. Economic Papers*, November 2012, no. 468, 24 p. URL: http://ec.europa.eu/economy_finance/publications/economic_paper/2012/pdf/ecp468_en.pdf

¹² Региональные налоги, к которым относятся транспортный налог, налоги на игорный бизнес и имущество организаций, могут регулироваться как Налоговым кодексом Российской Федерации, так и законами ее субъектов. Законы субъектов определяют ставки, льготы, сроки уплаты налогов и подачи налоговых деклараций.

⁹ Вместо новых бюджетных кредитов регионы получают отсрочку по старым. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2017/09/25/735128-byudzhethnih-kreditov-regioni>

¹⁰ В конце 2017 г. центр приступил к сворачиванию программы бюджетных кредитов. Взамен с 2018 г. регионы могут рассчитывать на реструктуризацию накопленного долга (с перспективой списания).

доля отчислений от федеральных налогов составила 70,2%, доля трансферов – 19,8% и доля региональных налогов – 9,9% (табл. 9, 10). Если термин «налоговая автономия» применим к региональным налогам, то отчисления от федеральных налогов и трансферов – это вопрос, решаемый строго на федеральном уровне. С учетом вмешательства центра в региональное налогообложение оценка предела налоговой автономии в 5% – правдива.

За 2006–2017 гг. в структуре доходов регионов произошли изменения, созвучные предположению о положительном влиянии налоговой автономии на отношение региональных властей к бюджетной дисциплине. Доля региональных налогов в доходах регионов поднялась с 8,2% до 11,5%. Она росла в среднем за год на 0,3%, тогда как доли трансферов и отчислений от федеральных налогов сокращались на 1%. Доля трансферов поднялась с 15,7% в 2006 г. до 26,9% в 2009 г. и вернулась к 15,7% в 2017 г. Ослабление трансферной зависимости после 2009 г. было компенсировано усилением зависимости от федеральных налогов. Их доля в доходах регионов после резких колебаний в 2006–2009 гг. стабильно росла с 63,5% в 2009 г. до 72,9% в 2017 г. (табл. 9, 10).

В современной литературе популярны и эмпирически подтверждены следующие гипотезы бюджетной дисциплины, которые являются аспектами супергипотезы отрицательного влияния бюджетной децентрализации на бюджетную дисциплину:

- при широкой автономии в области заимствований рост трансферной зависимости отрицательно влияет на исполнение бюджетов регионов, поощряя региональные власти завышать расходы и не делать максимум для развития собственной доходной базы;
- сокращение РБД настраивает регионы на соблюдение бюджетной дисциплины;
- долгосрочный сбалансированный бюджет имеет место, когда регионы пользуются

широкой налоговой автономией при свободе заимствований.

Альтернативная гипотеза: в условиях сверхцентрализации ВБД поощряет региональные власти соблюдать бюджетную дисциплину, так как им приходится выполнять множество жестких условий получения финансовой помощи и быть объектом непрерывного финансового контроля со стороны центра.

Описательная статистика за 2006–2017 гг. обнаружила следующие среднегодовые измерения в региональных финансах:

- преобладание устойчивого и крупного дефицита над долгосрочным профицитом; рост доли бюджетных кредитов за счет долей всех остальных источников финансирования региональных расходов;
- сужение РБД, в основном за счет доли в расходах СГУ;
- рост доли региональных налогов и снижение долей трансферов и отчислений от федеральных налогов в доходах регионов.

Эмпирический анализ

Эконометрическая модель и метод ее оценивания. Следующее динамическое линейное уравнение описывает наш подход к моделированию бюджетной дисциплины:

$$FB_{i,t} = \alpha FB_{i,t-1} + \beta EV_{i,t} + u_{i,t} ,$$

$$u_{i,t} = \eta_i + v_i .$$

Для $i=1, \dots, 81$ и $t=2, \dots, 12$, где $FB_{i,t}$ – сальдо бюджета региона в % к ВРП, $EV_{i,t}$ – вектор объясняющих переменных, η_i и v_i – компоненты случайной ошибки и $|\alpha| < 1$. Добавление лагированной зависимой переменной в правую часть уравнения позволяет учесть историю регрессоров, так что любое измеренное воздействие обусловлено этой историей, а вектор $EV_{i,t}$ отражает эффект новой информации.

Объясняющие переменные (регрессоры) включают переменные, призванные отразить влияние бюджетной децентрализации:

- $FI_{i,t}$ (ВБД) – отношение суммы полученных регионом трансферов, бюджетных кредитов и чистого заимствования региона в % к его расходам;
- $TD_{i,t}$ (трансферная зависимость) – отношение полученных регионом трансферов в % к его расходам;
- $RT_{i,t}$ (налоговая автономия) – доля поступлений от региональных налогов в доходах региона, %;
- $BL_{i,t}$ (зависимость от бюджетных кредитов) – полученные регионом бюджетные кредиты в % к его расходам;
- $ND_{i,t}$ (некоммерческий долг) – доля бюджетных кредитов в долге региона, %;
- $FG_{i,t}$ (РБД) – доля региона в расходах СГУ за вычетом доли региона в доходах СГУ, %.

Объясняющие переменные (регрессоры) включают также контрольные переменные:

- $RP_{i,t}$ (уровень жизни) – логарифм ВРП на душу населения региона;
- $PO_{i,t}$ (население) – доля региона в населении России, %;
- $OG_{i,t}$ (разрыв выпуска) – разность между фактическими значениями ВРП и его трендом, извлеченным с помощью фильтра Ходрика-Прескотта со сглаживающим параметром 100^{13} , в % к ВРП;
- $EG_{i,t}$ (разрыв расходов) – разность между расходами и их трендом, извлеченным вышеуказанным способом, в % к ВРП.

Что касается контрольных переменных, то подушевой ВРП (RP) должен был отразить зависимость региональных финансов от

межрегиональных различий в уровне жизни. Эти различия значительны: к началу 2018 г. у Ямало-Ненецкого автономного округа ВРП на душу населения был в 40 раз больше, чем у Республики Ингушетия. Доля региона в населении России (PO) должна была отразить роль населения как бюджетообразующего фактора. От численности населения зависит, сколько денег получит регион из федерального бюджета на разные нужды. Например, Минфин России при распределении регионам дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности учитывает показатель численности населения регионов при расчете индексов бюджетных расходов и доходов. Сальдо также чувствительно к циклическим колебаниям экономики.

Регионы пережили мощный и стремительный экономический кризис в 2008–2009 гг., спад в 2013 г. и затяжной экономический кризис в 2014–2017 гг. Включение разрыва выпуска (OG) в модель гарантировало учет цикла деловой активности. Также OG позволяет установить, является бюджетная политика контрциклической или проциклической. Разрыв расходов (EG) включен в модель для «перехвата» влияния временных, надтрендовых расходов, вызванных масштабными событиями природного, техногенного или политического происхождения, такими как сход грунта в Верхнебуреинском районе Хабаровского края в декабре 2018 г. или майские (2012 г.) указы президента.

Тест Грэнджера. Причинность по Грэнджеру представляет собой следующее. Если X – причина и Y следствие по Грэнджеру, то это не значит, что существует экономический механизм, ставящий Y в зависимость от X . Грэнджер свел определение причинности к вопросу, помогает «прошлое» X предсказывать «будущее» Y или помогает только «прошлое» Y ? Если «прошлое» X помогает предсказывать «будущее» Y , то X – причина для Y , а если не помогает, то X – не причина для Y или, если ограничиться линейными функциями, X линейно не информативен насчет «будущего» Y . Грэнджер также разделил

¹³ Использована надстройка Excel «HP Filter» К. Аннена (Hodrick Prescott Filter). URL: <http://web-reg.de/webreg-hodrick-prescott-filter/>

причинность на одностороннюю, $X \Rightarrow Y$ или $X \Leftarrow Y$, и двухстороннюю, $X \Leftrightarrow Y$. Если $X \nRightarrow Y$ и $X \nLeftarrow Y$, то ряды статистически независимы.

Тест, опровергнув нулевую гипотезу отсутствия причинности, показал следующее:

- ВБД (FI) и трансферная зависимость (TD) – причины для сальдо, и наоборот;
- РБД (FG) и налоговая автономия (RT) – причины для сальдо, а сальдо – не причина для этих переменных;
- зависимость от бюджетных кредитов (BL) и некоммерческий долг (ND) – не причины для сальдо, а сальдо – причина для этих переменных;
- каждая контрольная переменная – причина для сальдо, а сальдо не информативно насчет «будущего» каждой контрольной переменной (табл. 11).

Таким образом, получены дополнительные свидетельства в пользу включения в правую часть модели всех контрольных переменных и переменных, представляющих ВБД (FI), трансферную зависимость (TD), РБД (RD) и децентрализацию доходов в форме налоговой автономии (RT). В двух парах обнаружена двусторонняя причинно-следственная связь. ВБД и трансферная зависимость (основная часть ВБД) эндогенны по отношению к сальдо, что может вызвать их корреляцию с остаточным членом $u_{i,t}$. Выбранный для оценивания модели метод должен был устранить этот нежелательный эффект. По результатам теста Грэнджера в модель не включены BL и ND . Тест не обнаружил эффекта политики «бюджет вместо банков» в парах этих переменных с сальдо, но обнаружил его в паре ВБД с сальдо.

Проверка коллинеарности. Мы проверили уцелевшие регрессоры на коллинеарность, оценив укороченную модель сквозным методом наименьших квадратов (pooled OLS) с робастными ошибками и получив таким образом доступ к информации о коллинеарности. В проверке задействован VIF – коэффициент инфляции

дисперсии регрессора j . $VIF_j = \frac{1}{(1 - R_j^2)}$, где R_j^2 – коэффициент регрессии j -го регрессора по остальным регрессорам. VIF показывает, как сильно увеличена дисперсия из-за коллинеарности. Минимально возможный $VIF=1$, что означает отсутствие коллинеарности. $VIF>10$ указывает на серьезную коллинеарность. Также использовано число обусловленности, которое составляется из VIF_j . Число, превышающее 50, указывает на сильную коллинеарность. После первого замера оно составило 26,676, а максимальный VIF равен 5,452, так что все регрессоры, отобранные методом Грэнджера, сохранены.

Оценщик. Для оценивания модели использован «системный» обобщенный метод моментов (GMM) с трансформированными регрессорами для удаления фиксированных эффектов η_i из остаточного члена $u_{i,t}$ экзогенными инструментальными переменными и робастными стандартными ошибками. Этот метод разработан для панелей с большим числом объектов и малым числом временных интервалов (наш случай). Он дает лучшие результаты, чем все версии метода наименьших квадратов и стандартный, «перворазностный» GMM [4].

К «системному» GMM прилагаются некоторые тесты, проверяющие важные для него допущения модели. Ключевое допущение, «конституирующее» GMM, – экзогенность инструментальных переменных. Тест Саргана (Sargan) на сверхидентифицирующие ограничения показал, что использованные инструменты экзогенны и потому приемлемы. Тест Ареллано-Бонда проверяет гипотезу отсутствия автокорреляции остатков: тест для AR(1) опроверг ее в отношении первых разностей, а более важный тест для AR(2) не опроверг ее в отношении уровней.

Результаты. Мы оценили две спецификации – для ВБД (1), для трансферной зависимости (2) из-за повышенной, хотя и приемлемой, коллинеарности этих переменных (табл. 12). Все коэффициенты регрессии статистически

значимы и спецификация (1) выглядит предпочтительнее спецификации (2) как по точности подгонки к данным, так и по результатам этих тестов.

Положительный коэффициент при лагированном сальдо (FB) учитывает тот факт, что некоторые экономические решения предопределены историей соответствующей активности. Он, в частности, указывает на широко используемый в бюджетном планировании принцип «от достигнутого». Составители бюджета зависят от прошлых расходных обязательств государства. Во время подготовки бюджета большая часть расходов будущего года уже предопределена. Простор для маневра – не более 5% всех расходов, то есть текущий бюджет по основным параметрам и бюджетным классификациям – на 95% прошлогодний бюджет. Любая реальная смена приоритетов возможна только на протяжении нескольких лет.

В спецификации (1) помимо трансферов и чистого финансирования ВДБ (FI) включает бюджетные кредиты. С ростом ВБД на 1% сальдо улучшалось на 0,06%, что стало в основном результатом роста доли бюджетных кредитов в ВБД при сокращении удельного веса прочих его компонент. Влияние на ситуацию оказала и политика «бюджет вместо банков». В спецификации (2) ВДБ сужен до трансферной зависимости (TD). С ростом укороченного ВБД на 1% сальдо улучшалось на 0,03. Эти результаты не подтверждают гипотезу (1) и подтверждают альтернативную гипотезу.

Делегирование расходных полномочий с централизованным финансированием, скрупулезным определением прав и обязанностей регионов и финансовым контролем со стороны центра закладывает в региональные финансы если не «жесткие», то «полужесткие» бюджетные ограничения.

С ростом доли региональных налогов в доходах региона (RT) на 1% сальдо улучшалось на целых 0,12% в спецификации (1) и 0,05% в спецификации (2). Этот результат подтверждают гипотезу (3) Среди регрессоров, отражающих эффект бюджетной

децентрализации, налоговая автономия оказывает наибольшее влияние на сальдо. Недаром региональные руководители часто критикуют центр за его нежелание расширить их контроль за региональными налогами¹⁴. С точки зрения эффективности работы и самостоятельности региональных властей в принятии решений трансферы рассматриваются как наименее предпочтительный источник доходов по сравнению с налоговыми доходами¹⁵.

Для отражения эффекта асимметрии бюджетной децентрализации на уровне СГУ использован РБД (FG). С сокращением РБД на 1% сальдо улучшалось на 0,02% в спецификации (1) и 0,03% в спецификации (2), что подтверждают гипотезу (2). Основная причина РБД – необеспеченные мандаты. Эти прямые и обязательные для регионов расходные обязательства возлагаются центром на регионы через федеральные законы, финансируются им частично или не финансируются вовсе. Необходимость искать финансирование для выполнения необеспеченных мандатов осложняла балансирование региональных бюджетов.

Оценивая влияние бюджетной децентрализации на сальдо, мы использовали уточнение «при прочих неизменных условиях», так как контрольные переменные оказывали большое влияние на сальдо в ожидаемом направлении. С ростом ВРП на душу населения сальдо улучшалось на 0,87% в спецификации (1) и 0,65% в спецификации (2). Стоит заметить, что выход из бюджетного кризиса был крайне неравномерным в разрезе регионов. Общий профицит был достигнут за счет немногих богатейших регионов, получающих столичную и сырьевую ренту,

¹⁴ Легче не стало: как российские регионы добиваются от Москвы независимости.
URL: <https://www.bbc.com/russian/features-43091688>

¹⁵ В декабре 2011 г. Д.А. Медведев заявил, что финансовая децентрализация должна дать регионам существенные дополнительные средства для полноценной работы и что только в этом случае эта децентрализация имеет смысл. Предполагалось, что дополнительные средства поступят в результате расширения налоговой автономии регионов (Заседание Государственного совета.
URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/14139>). В 2012 г. правительство внесло в Государственную думу законопроекты о перераспределении бюджетных средств в пользу регионов.

а остальные регионы продолжали испытывать бюджетный дефицит.

Большое положительное влияние оказал и такой бюджетобразующий фактор, как население региона. С ростом доли региона в населении России (*PO*) сальдо улучшалось на 0,42% в спецификации (1) и 0,23% в спецификации (2).

С ростом разрыва выпуска (*OG*) на 1% при повышательном тренде ВРП сальдо улучшалось на 0,07% в спецификации (1) и 0,79% в спецификации (2). Бюджетная политика регионов была в целом контрциклической. Отрицательное сальдо ассоциировалось с рецессией и депрессией, а положительное – с восстановлением и бумом¹⁶.

С ростом надтрендовых (экстра-) расходов (*EG*) на 1% сальдо ухудшалось на 0,04% в спецификации (1) и 0,14% в спецификации (2). К таким расходам относятся кратко- и среднесрочные расходы, связанные с экстраординарными по масштабу и последствиям для региона отрицательными шоками.

Заключение

Вопреки эмпирическому мейнстриму бюджетная децентрализация, представленная вертикальным бюджетным дисбалансом, не ассоциировалась в нашей панели с ослаблением бюджетной дисциплины. Этот результат подтверждает альтернативную гипотезу. В сверхцентрализованной России

делегирование расходных полномочий с централизованным финансированием, скрупулезным определением прав и обязанностей регионов и финансовым контролем со стороны центра закладывает в региональные финансы если не «жесткие», то «полужесткие» бюджетные ограничения.

Но, как и в большинстве предыдущих эмпирических работ, обнаружена положительная связь бюджетной дисциплины с налоговой автономией, которая оказалась самой влиятельной детерминантой сальдо среди индикаторов бюджетной децентрализации. Рост доли региональных налогов в доходах регионов сочетался с улучшением сальдо. Сокращение асимметрии бюджетной децентрализации, измеренной разрывом между децентрализацией расходов и децентрализацией доходов, тоже сочеталось с улучшением сальдо.

Данная работа ведет к парадоксальному заключению о том, что для эффективного функционирования бюджетной децентрализации требуется сильное центральное правительство с достаточной вовлеченностью в региональные дела, чтобы сопротивляться оппортунистическим действиям региональных групп интересов [1]. Полученные результаты поддерживают ужесточение бюджетных ограничений регионов путем расширения их налоговой автономии, уточнения и стандартизации условий предоставления регионам финансовой помощи, усиления стимулов к рыночным заимствованиям.

¹⁶ В 2008–2009 и 2014–2015 гг. российская экономика пережила спад, который продолжался не менее шести месяцев подряд и являлся рецессией по определению Национальной ассоциации экономических исследований США.

Таблица 1**Некоторые эмпирические исследования влияния бюджетной децентрализации на бюджетную дисциплину****Table 1****Some empirical research into the impact of fiscal decentralization on fiscal discipline**

Авторы, год публикации	Данные	Результат
L. de Mello, 2000 г.	30 стран	Зависимость от трансферов увеличивает дефицит при высокой децентрализации расходов и сокращает – при низкой. Во втором случае трансферы укрепляют бюджетную дисциплину, усиливая контроль центра за региональными расходами
J. Rodden, 2002 г.	Субнациональные образования 33 стран, 1986–1996 гг.	С усилением зависимости от трансферов бюджетная дисциплина субнациональных правительств ослабевает, особенно когда они имеют свободный доступ к кредиту. Усиление трансферной зависимости ассоциируется с крупным или быстро растущим дефицитом субнациональных бюджетов
J. Rodden, E. Wibbels, 2002 г.	15 федераций	Зависимость от грантов сокращает профицит тем больше, чем выше децентрализация расходов
B. Neyapti, 2010 г.	16 стран, включая 8 развитых, 1980–2000 гг.	Децентрализация расходов и доходов оказывает значительное отрицательное влияние на дефицит. Дисциплинирующий эффект замечен в регионах со слабым управлением и неподотчетностью
T. Baskaran, 2010 г.	17 стран – участниц ОЭСР, 1975–2001 гг.	Бюджетная децентрализация поощряет здоровую бюджетную политику и сокращает долг
L. Eyraud, L. Lusinyan, 2011 г.	27 стран – участниц ОЭСР, 1969–2007 гг.	Децентрализация расходов, финансируемая собственными доходами, выгодна, а рост отношения суммы трансферов и заимствований к расходам региона ухудшает баланс бюджета
M. Governatori, D. Yim, 2012 г.	27 стран – участниц Европейского союза, 1995–2010 гг.	Децентрализация расходов в сочетании с безответственностью субнациональных правительств за покрытие своих расходов своими доходами и большой долей трансферов в субнациональных доходах вредна для сбалансирования бюджета
M. Sow, I. Razafimahefa, 2017 г.	64 страны, 1990–2012 гг.	Рост доли регионов в консолидированных расходах государства ассоциируется с соблюдением бюджетной дисциплины
Y. Huayang, Z. Di, C. Bing, 2017 г.	КНР, 2005–2015 гг.	Темп долговой экспансии положительно связан с бюджетной и финансовой децентрализацией
Н.В. Акиндинова, А.В. Чернявский, А.А. Чепель, 2016 г.	Россия, 2013–2015 гг.	Между уровнями регионального долга и бюджетного дефицита существует положительная корреляция (0,43)
В.В. Бухарский, Е.Ю. Ветрова, А.М. Лавров, 2017 г.	Россия, 2005–2016 гг.	Ни один из рассмотренных объективных (экономически и финансово обусловленных) и субъективных (политически обусловленных) факторов по отдельности не оказывает четко выраженного и существенного влияния на уровень, динамику и структуру долговой нагрузки субъектов РФ
А.Д. Андрияков, 2017 г.	Россия, 2008–2016 гг.	Сокращение трансфертов и передача нефинансируемых федеральных мандатов регионам привела к разбалансированности их бюджетов
C.G. Yun, P.Z. Xie, 2018 г.	Испания, 1988–2006 гг.	Если трансферы хотя бы частично зависят от долга региона, то их рост стимулирует чрезмерные заимствования, и долг растет

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Таблица 2**Среднегодовое сальдо и долг регионов (2006–2018 гг.), % ВРП****Table 2****Average annual balance and debt of regions, 2006–2018, percentage of GRP**

Год	Сальдо	Долг
2006	0,2	2,1
2007	0,4	1,8
2008	–0,1	1,8
2009	–0,7	2,2
2010	–0,9	2,5
2011	–0,6	2,8
2012	–0,7	3,1
2013	–1,8	3,6
2014	–1,2	4,5
2015	–1	5,1
2016	–0,3	5,6
2017	–0,2	5,6
2018	–	5,4

Примечание. Данные по долгу приведены на 1 января соответствующего года.*Источник:* авторская разработка*Source:* Authoring**Таблица 3****Характеристики среднегодового сальдо и долга регионов, % ВРП****Table 3****Metrics of average annual balance and debt of regions, percentage of GRP**

Параметр	Сальдо	Долг
Среднее	–0,579	3,674
Стандартное отклонение	0,626	1,506
Коэффициент вариации	–1,082	0,41
Минимум	–1,847	1,806
Максимум	0,359	5,639
Темп роста	–0,078	0,371

Источник: авторская разработка*Source:* Authoring

Таблица 4**Среднерегиональное сальдо, % ВРП****Table 4****Average fiscal balance of regions, percentage of GRP**

Показатель	Сальдо	Профицит	Дефицит
Число значений	972	309	663
Число регионов	81	11	70
Среднее	-0,579	0,93	-1,281
Стандартное отклонение	1,823	1,694	1,407
Коэффициент вариации	-0,318	1,821	-1,098
Минимум	-21,549	0,005	-21,549
Максимум	11,147	11,147	-0,011

Источник: авторская разработка*Source:* Authoring**Таблица 5****Источники финансирования расходов региона, % к итогу****Table 5****Financial sources of regional expenditures, percentage of the total**

Год	Свои доходы	Трансферы	Сальдо	ВВД (3+4)	Бюджетные кредиты	ВВД плюс бюджетные кредиты (5+6)
1	2	3	4	5	6	7
2006	66,6	28,6	3,1	31,7	1,7	33,4
2007	63,6	32,3	3	35,3	1	36,3
2008	63,8	33	1,8	34,8	1,4	36,2
2009	62	37,8	-3,3	34,5	3,6	38,1
2010	63,5	32,4	-3,3	29,1	7,4	36,5
2011	60,4	32,5	-2,3	30,2	9,4	39,6
2012	67	30,3	-3,7	26,6	6,3	32,9
2013	73,8	27,6	-8,7	19	7,2	26,2
2014	67,3	29	-6,4	22,6	10,1	32,7
2015	66,3	26,5	-5,5	21	12,7	33,7
2016	60,9	25,7	-1,9	23,9	15,3	39,2
2017	58,8	26,2	-0,8	25,4	15,9	41,3

Источник: авторская разработка*Source:* Authoring

Таблица 6**Характеристики источников финансирования расходов региона, % к итогу****Table 6****Metrics of financial sources of regional expenditures, percentage of the total**

Параметр	Свои доходы	Трансферы	Сальдо	ВБД (3+4)	Бюджетные кредиты	ВБД плюс бюджетные кредиты (5+6)
1	2	3	4	5	6	7
Среднее	64,5	30,17	-2,33	27,84	7,67	35,51
Стандартное отклонение	4,04	3,58	3,66	5,62	5,2	4,07
Коэффициент вариации	0,06	0,12	-1,57	0,2	0,68	0,11
Минимум	58,77	25,71	-8,67	18,97	1,05	26,2
Максимум	73,82	37,8	3,13	35,31	15,86	41,3
Темп роста	-0,1	-0,67	-0,6	-1,27	1,37	0,11

Источник: авторская разработка*Source:* Authoring**Таблица 7****Разрыв бюджетной децентрализации (РБД) в период 2006–2018 гг., %****Table 7****Fiscal decentralization gap, 2006–2018, percentage**

Год	Доля региона в расходах СГУ	Доля региона в доходах СГУ	РБД (2 – 3)
1	2	3	4
2006	35,1	21,8	13,4
2007	32,1	22	10,2
2008	33,8	22,9	10,9
2009	39	31,3	7,7
2010	35,5	27	8,5
2011	33,2	23,9	9,3
2012	33,1	24,6	8,5
2013	33	24,8	8,2
2014	31,9	23,4	8,5
2015	31,4	24,5	6,9
2016	30,3	24,6	5,7
2017	30,7	24	6,7
2018	31,9	22,2	9,7

Источник: авторская разработка*Source:* Authoring

Таблица 8**Характеристики разрыва бюджетной децентрализации (РБД) в период 2006–2018 гг., %****Table 8****Metrics of fiscal decentralization gap, 2006–2018, percentage**

Параметр	Доля региона в расходах СГУ	Доля региона в доходах СГУ	РБД (2 – 3)
1	2	3	4
Среднее	33,16	24,374	8,786
Стандартное отклонение	2,332	2,506	1,989
Коэффициент вариации	0,07	0,103	0,226
Минимум	30,264	21,763	5,678
Максимум	38,964	31,282	13,355
Темп роста	-0,39	-0,039	-0,35

Источник: авторская разработка*Source:* Authoring**Таблица 9****Структура доходов регионов по источникам поступления в бюджет (2006–2017 гг.), % к итогу****Table 9****Regions' fiscal revenue broken down by source, 2006–2017, percentage of the total**

Год	Региональные налоги	Трансферы регионам	Отчисления от федеральных налогов и сборов
2006	8,2	15,7	76
2007	8,5	21,6	69,9
2008	8	19,4	72,6
2009	9,6	26,9	63,5
2010	9,6	23,1	67,3
2011	8,9	23,1	68
2012	9,7	20,8	69,4
2013	11	19,3	69,7
2014	10,9	19,2	69,9
2015	11,5	17,3	71,2
2016	11,4	15,8	72,8
2017	11,5	15,7	72,9

Источник: авторская разработка*Source:* Authoring

Таблица 10

Характеристика структуры доходов регионов по источникам поступления в бюджет (2006–2017 гг.), % к итогу

Table 10

Metrics of regions' fiscal revenue broken down by source, 2006–2017, percentage of the total

Параметр	Региональные налоги	Трансферы регионам	Отчисления от федеральных налогов и сборов
Среднее	9,909	19,832	70,259
Стандартное отклонение	1,324	3,49	3,22
Коэффициент вариации	0,134	0,176	0,046
Минимум	7,97	15,662	63,495
Максимум	11,542	26,933	76,016
Темп роста	0,3	–1	–0,9

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Таблица 11

Результаты теста на парную причинность по Грэнджеру

Table 11

The Granger pair causality test

Нулевая гипотеза	F-статистика	P-значение
$FI \neq FB$ (ВБД)	3,238	0,039***
$FB \neq FI$	8,547	0***
$TD \neq FB$ (трансферная зависимость)	3,734	0,024***
$FB \neq TD$	8,547	0***
$RT \neq FB$ (налоговая автономия)	6,374	0,002***
$FB \neq RT$	1,946	0,143***
$BL \neq FB$ (зависимость от бюджетных кредитов)	2,056	0,129***
$FB \neq BL$	65,281	0***
$ND \neq FB$ (некоммерческий долг)	0,319	0,727***
$FB \neq ND$	7,395	0,001***
$FG \neq FB$ (РБД)	3,559	0,029***
$FB \neq FG$	0,863	0,422***
$RP \neq FB$ (подушевой ВРП)	4,31	0,014***
$FB \neq RP$	0,002	0,997***
$PO \neq FB$ (доля в населении России)	3,336	0,036***
$FB \neq PO$	0,063	0,938***
$OG \neq FB$ (разрыв выпуска)	7,333	0,001***
$FB \neq OG$	0,853	0,426***
$EG \neq FB$ (разрыв расходов)	28,291	0***
$FB \neq EG$	2,634	0,072***

Примечание. Число лагов: 2. Включено 810 наблюдений. * – $p < 0,10$; ** – $p < 0,05$; *** – $p < 0,01$.

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Таблица 12
Результаты оценивания модели

Table 12
Measurement of the model

Переиссор	Спецификация (1)	Спецификация (2)
$FB(-1)$	0,077 (0,002)***	0,114 (0,003)***
FI	0,056 (0,001)***	–
TD	–	0,029 (0,001)***
RT	0,122 (0,007)***	0,048 (0,006)***
FG	–0,022 (0,004)***	–0,03 (0,004)***
RP	0,875 (0,033)**	0,654 (0,036)**
PO	0,418 (0,034)**	0,234 (0,016)**
OG	0,068 (0,001)***	0,079 (0,001)***
EG	–0,043 (0,003)***	–0,142 (0,004)***
Сумма квадратов остатков	2 141,154	2 356,884
Стандартная ошибка модели	1,567	1,644
Sargan $p(x^2)$	0,556	0,44
AR(1) $p(z)$	0,047	0,026
AR(2) $p(z)$	0,415	0,23

Примечание. В скобках – стандартные ошибки для Z-статистики. * – $p < 0,10$; ** – $p < 0,05$; *** – $p < 0,01$.

Использованы, но не показаны в этой таблице фиктивные переменные для временных рядов. Включен 81 регион, скорректированные временные ряды – 11 лет, использовано 891 наблюдение.

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Список литературы

1. Oates W.E. On the Theory and Practice of Fiscal Decentralization. *IFIR Working Paper*, 2006, no. 5, 36 p. URL: <http://martin.uky.edu/sites/martin.uky.edu/files/IFIR/Pub/IFIR-WP-2006-05.pdf>
2. Sorens J. Vertical Fiscal Gaps and Economic Performance: A Theoretical Review and an Empirical Meta-Analysis. *Mercatus Working Paper*, February 2016, 41 p. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3191439>
3. Rodden J. The Dilemma of Fiscal Federalism: Grants and Fiscal Performance around the World. *American Journal of Political Science*, 2002, vol. 46, no. 3, pp. 670–687. URL: <https://doi.org/10.2307/3088407>
4. Greene W.H. *Econometric Analysis*. 5-th Edition. Upper Saddle River, New Jersey, Prentice Hall, 2003, 1238 p.
5. Blundell R., Bond S., Windmeijer F. Estimation in Dynamic Panel Data Models: Improving on the Performance of the Standard GMM Estimators. *The Institute for Fiscal Studies. Working Papers*, 2000, no. 12, 49 p. URL: <http://discovery.ucl.ac.uk/4070/1/4070.pdf>
6. De Mello L.R. Fiscal Decentralization and Intergovernmental Fiscal Relations: A Cross-Country Analysis. *World Development*, 2000, vol. 28, iss. 2, pp. 365–380. URL: [https://doi.org/10.1016/S0305-750X\(99\)00123-0](https://doi.org/10.1016/S0305-750X(99)00123-0)
7. Rodden J., Wibbels E. Beyond the Fiction of Federalism: Macroeconomic Management in Multitiered Systems. *World Politics*, 2002, vol. 54, iss. 4, pp. 494–531. URL: <https://doi.org/10.1353/wp.2002.0016>

8. Neyapti B. Fiscal Decentralization and Deficits: International Evidence. *European Journal of Political Economy*, 2010, vol. 26, iss. 2, pp. 155–166.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2010.01.001>
9. Baskaran T. On the Link Between Fiscal Decentralization and Public Debt in OECD Countries. *Public Choice*, 2010, vol. 145, iss. 3–4, pp. 351–378.
URL: <https://doi.org/10.1007/s11127-009-9570-4>
10. Eyraud L., Lusinyan L. Decentralizing Spending More than Revenue: Does it Hurt Fiscal Performance? *IMF Working Paper*, 2011, no. 226, 33 p.
URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2011/wp11226.pdf>
11. Sow M., Razafimahefa I. Fiscal Decentralization and Fiscal Policy Performance. *IMF Working Paper*, 2017, no. 64, 30 p.
URL: <https://www.imf.org/~media/Files/Publications/WP/2017/wp1764.ashx>
12. Huayan Y., Di Z., Bing C. The Contribution of Fiscal/Financial Decentralization to the Debt Expansion of the Local Financing Platform. *IOP Conference. Series: Earth and Environmental Science*, 2018, vol. 113, conf. 1. URL: <https://doi.org/10.1088/1755-1315/113/1/012041>
13. Акиндинова Н.В., Чернявский А.В., Чепель А.А. Региональные бюджеты в условиях кризиса: можно ли достичь сбалансированности? // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 31–48.
URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-10-31-48>
14. Бухарский В.В., Ветрова Е.Ю., Лавров А.М. Корреляционный анализ долговой нагрузки на бюджеты субъектов Российской Федерации в 2005–2016 гг. // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2017. № 6. С. 9–24.
URL: https://nifi.ru/images/FILES/Journal/Archive/2017/6/articles/fm_2017_6__01.pdf
15. Андрияков А.Д. Сбалансированность и устойчивость региональных бюджетов в 2008–2016 гг. // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2017. № 6. С. 25–39.
URL: https://nifi.ru/images/FILES/Journal/Archive/2017/6/articles/fm_2017_6__02.pdf

Информация о конфликте интересов

Я, автор данной статьи, со всей ответственностью заявляю о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

FISCAL DECENTRALIZATION AND FISCAL DISCIPLINE**Boris I. ALEKHIN**Russian State University for Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
b.i.alekhin@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-9571-4836>**Article history:**Received 16 May 2019
Received in revised form
30 May 2019
Accepted 30 June 2019
Available online
15 August 2019**JEL classification:** E62, H62,
H77**Keywords:** fiscal
decentralization,
fiscal deficit, regions**Abstract****Subject** The article focuses on the fiscal discipline and regions' fiscal balance indicating their aptitude to comply with the fiscal discipline.**Objectives** The research evaluates how fiscal decentralization influences the fiscal balance. Thus, I referred to official sources to compile the timed panel data on 81 subjects of the Russian Federation for 2006–2017.**Methods** The array of variables was specified through the Granger causality test. The empirical model was evaluated with the systemic generalized method of moments.**Results** Fiscal decentralization is not associated with the weakening fiscal discipline. Overcentralization makes fiscal constraints even more stringent by delegating the spending power implying the centralized finance, meticulous segregation of regions' rights and obligations and federal financial control. I discovered the positive correlation of fiscal discipline and fiscal independence of regions. Regions were noted to have a better fiscal balance when the percentage of regional taxes increased in their revenue. Measured with a gap between the decentralization of expenditures and revenue, a decreasing disparity in fiscal decentralization also induces a better balance.**Conclusions and Relevance** The findings echo the commitment to tightening fiscal restrictions of regions by making them more fiscally autonomous, specifying and standardizing the terms on which financial aid is provided to regions.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2019

Please cite this article as: Alekhin B.I. Fiscal Decentralization and Fiscal Discipline. *Regional Economics: Theory and Practice*, 2019, vol. 17, iss. 8, pp. 1557–1576.
<https://doi.org/10.24891/re.17.8.1557>**References**

1. Oates W.E. On the Theory and Practice of Fiscal Decentralization. *IFIR Working Paper*, 2006, no. 5, 36 p. URL: <http://martin.uky.edu/sites/martin.uky.edu/files/IFIR/Pub/IFIR-WP-2006-05.pdf>
2. Sorens J. Vertical Fiscal Gaps and Economic Performance: A Theoretical Review and an Empirical Meta-Analysis. *Mercatus Working Paper*, February 2016, 41 p. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3191439>
3. Rodden J. The Dilemma of Fiscal Federalism: Grants and Fiscal Performance around the World. *American Journal of Political Science*, 2002, vol. 46, no. 3, pp. 670–687. URL: <https://doi.org/10.2307/3088407>
4. Greene W.H. *Econometric Analysis*. 5-th Edition. Upper Saddle River, New Jersey, Prentice Hall, 2003, 1238 p.
5. Blundell R., Bond S., Windmeijer F. Estimation in Dynamic Panel Data Models: Improving on the Performance of the Standard GMM Estimators. *The Institute for Fiscal Studies. Working Papers*, 2000, no. 12, 49 p. URL: <http://discovery.ucl.ac.uk/4070/1/4070.pdf>

6. De Mello L.R. Fiscal Decentralization and Intergovernmental Fiscal Relations: A Cross-Country Analysis. *World Development*, 2000, vol. 28, iss. 2, pp. 365–380.
URL: [https://doi.org/10.1016/S0305-750X\(99\)00123-0](https://doi.org/10.1016/S0305-750X(99)00123-0)
7. Rodden J., Wibbels E. Beyond the Fiction of Federalism: Macroeconomic Management in Multitiered Systems. *World Politics*, 2002, vol. 54, iss. 4, pp. 494–531.
URL: <https://doi.org/10.1353/wp.2002.0016>
8. Neyapti B. Fiscal Decentralization and Deficits: International Evidence. *European Journal of Political Economy*, 2010, vol. 26, iss. 2, pp. 155–166.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2010.01.001>
9. Baskaran T. On the Link Between Fiscal Decentralization and Public Debt in OECD Countries. *Public Choice*, 2010, vol. 145, iss. 3–4, pp. 351–378.
URL: <https://doi.org/10.1007/s11127-009-9570-4>
10. Eyraud L., Lusinyan L. Decentralizing Spending More than Revenue: Does it Hurt Fiscal Performance? *IMF Working Paper*, 2011, no. 226, 33 p.
URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2011/wp11226.pdf>
11. Sow M., Razafimahefa I. Fiscal Decentralization and Fiscal Policy Performance. *IMF Working Paper*, 2017, no. 64, 30 p.
URL: <https://www.imf.org/~media/Files/Publications/WP/2017/wp1764.ashx>
12. Huayan Y., Di Z., Bing C. The Contribution of Fiscal/Financial Decentralization to the Debt Expansion of the Local Financing Platform. *IOP Conference. Series: Earth and Environmental Science*, 2018, vol. 113, conf. 1. URL: <https://doi.org/10.1088/1755-1315/113/1/012041>
13. Akindinova N., Chernyavskii A., Chepel' A. [Analysis of regional fiscal balance]. *Voprosy Ekonomiki*, 2016, no. 10, pp. 31–48. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-10-31-48>
14. Bukharskii V.V., Vetrova E.Yu., Lavrov A.M. [Correlation analysis of the debt burden on the budgets of the Russian Federation subjects in 2005–2016]. *Nauchno-issledovatel'skii finansovyi institut. Finansovyi zhurnal = Financial Research Institute. Financial Journal*, 2017, no. 6, pp. 9–24.
URL: https://nifi.ru/images/FILES/Journal/Archive/2017/6/articles/fm_2017_6__01.pdf (In Russ.)
15. Andryakov A.D. [Balance and Sustainability of Regional Budgets in 2008–2016]. *Nauchno-issledovatel'skii finansovyi institut. Finansovyi zhurnal = Financial Research Institute. Financial Journal*, 2017, no. 6, pp. 25–39.
URL: https://nifi.ru/images/FILES/Journal/Archive/2017/6/articles/fm_2017_6__02.pdf (In Russ.)

Conflict-of-interest notification

I, the author of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.